

СЕПАР

I

Блок-пост ставил человек с опытом и знанием войны. Можно было держать под огнем трассу, буераки по левую руку, способные для просачивания диверсантов, и поле, пересеченка, по правую, как специально подобранное для фронтального наступления. При такой диспозиции огневая поддержка блок-поста дороже золота. Стенка с бойницами изрядно клевана пулями. Боевой пост. От него ко мне и плелся казак ухарского вида — со сбитой на затылок кубанкой, расхристанный и, судя по всему, поддатый. Ну, казаки и есть казаки. Второй, вместо того, чтобы страховать товарища на три шага сзади с уступом, подпирал спиной бетонное гнездо. Скучал. Замирение действовало расслабляющее. Я подготовил пропуск и удостоверение.

— Чего на хутор-то? Родня?

— Родня, — согласился я с его версией и машинально глянул на сельцо через поле, так отгородившееся от мира садами, что теткин дом было не углядеть. Только тетки там уже не было. Год с хвостиком. Да и дом

неизвестно уцелел ли. Из наших за всю войну я встретил только Майку Ефремову, да и то мельком, после боев за Дебальцево. Не до разговоров тогда было.

— А в штабах что? Сдаем страну хохлам? — поинтересовался казак, в полглаза заглянув в документы.

— Похоже.

— Ну, тут хунте во обломится! — казак рубанул правой по локтевому сгибу левой руки. — Отсос. Россия никогда свои земли не отдает. Не сдаст Путин и Новороссию.

Не было смысла спорить — уже сдал. Я запрятал документы во внутренний карман бушлата и машинально козырнул.

— Если на хутор, то у нас тут стежка. Безопасная. На километра полтора короче. А если таки шляхом, то за обочину не совайся. Как не мина, так растяжка. Вроде все уже три раза проверили, а нет-нет, да и жахнет. Вроде эта срань размножается, как пчёлки.

Мне коротить дорогу было не к спеху, и я пошел шоссейкой, раздолобаной случайными и не случайными минами, растерзанной танками и боевыми машинами, с постриженными осколками тополями по обе стороны. Быть нейтральной зоной на этой войне оказалось не мед. Недаром ее стали называть серой. Спина под плотно пригнанным ранцем бралась испариной, я специально его приторочил по-походному и не снимал, чтобы не навести дозорных на мысль о досмотре. Ничего такого там, обычная солдатская поклажа — спальник, смена белья, пара свитеров, штаны от робы, сухпай. Но Стечкин мог кому-то понравиться, а я с ним за полтора года сроднился.

X утор с каждым шагом открывался все больше, хорошо спланированный и хорошо, по-куркульски, поставленный, он у меня всегда вызывал образ

казацкого табора, приготовившегося к осаде и обороне. Только вместо возов, перевернутых к атаке колесами, густо стояли сады, веснами у нас огороды и улицы за-снеживало лепестками вишневого цвета. На околице, как заблудившийся пришелец из тьмы веков, поскрипывал ветряк, поднимая из подземных рек воду, такой воды на всю степь ни у кого не было. Скоро после того, как тетка забрала меня из интерната, еще всем и всему чужой, я в одиночестве лежал за хутором над балочкой и слышал, как где-то подо мной, глубоко-глубоко, течет быстрая черная речка. Ракетные залпы погрызли водонапорную башню, но сложенная из камня-дикаря она не поддалась и, похоже, все так же поила хутор.

Густынная, не то что без людей, но и без гребущейся курицы или телячьего хвоста, дорога осторожно вползала в село и превращалась в улицу. Даже тетки Горбенчихи, которая, казалось и не спит никогда, потому что всегда все видит и все знает, неся недремлющую вахту во дворе крайней хаты, не было видно. Но ощущение, что из-за занавешенных окон меня ощупывают сторожкие очи – было. Чужой, потаенный взгляд я чувствовать умел.

На прямоугольной площади, на майдане, как и весь хутор безлюдном, ничего не осталось от базарчика и крытой сцены с деревянными скамейками полукружием. Скорее всего, снесли на дрова. В былые годы сцена открывала сельские таланты, и до средины девяностых по выходным на ней наяривала духовая, по всему Донбасу уже давным-давно дискотеки, а у нас по-прежнему – танцы. Насупленный Тарас, потерявший бронзовый лоск и облупившийся, все так же строго встречал всякого входящего. Постамент для него дядьки сложили из того же дикаря, что и башню на околице, он бы и танк выдержал, не только гипс. Тетке наш Тарас не нравился. Почему он у них, кипятилась она, насупленный, хмурый, как

город придавленный? Ведь пятидесяти не было! В самом соку мужик! Везде, у каждого народа бунтари как соколы, с порывом в каждом движении, во взгляде. А тут...

Бюст подарили нам черкасские художники, когда к 150-летию Тараса хутору вернули старое, родовое имя. С конца тридцатых был он и Коминтерновским, и Интернациональным, и Сталинским, и Первомайским, а когда при Хрущеве в очередной раз собирались перекрестить, так как Первомайских оказалось вагон с тележкой, селяне забунтовали. Времечко было еще то. Оттепель. И потребовали на сходе возврата старого имени, Шевченков хутор, с которым в далекие двадцатые годы и закладывали селение, перебравшись из бедной на пахоты Черкасской области. Тогда она почему-то была Киевщиной, наших хоторян окрестное население называло кельпами, хотя само было голотаголотой. Переселенцам нарезали по пять гектаров степи на душу, сей-паши, сколь сил хватит. У донбасских к земле руки отродясь не стояли. Дед говорил, что им за гармошкой и водкой некогда. Надо было бы как-нибудь съездить в этот Мокро-Кагарлицкий район, найти там Соболивку, поглядеть на корни и истоки.

Всегда мне казалось, что у нас хутор как хутор, ну, может, зеленее других, иначе, просторнее поставлен, но после полутора лет скитаний и по Донбассу, и по Дону, по Кубани и Ставрополью, как иным зрением увидел я вдруг его особость. Все у нас было не так — палисадники, дома с широкими окнами, дворы без глухих заборов и ворот, просторные, обсаженные орехами улицы с непременными скамейками у калиток, криницы с журавлями и кружками под теремком-навесиком — для прохожего. У кубанцев тоже случаются кружки для подорожного люда, но непременно на цепи. «Так крадуть же!» У нас, что ли не крали?

Странно было, что война чудным образом обошла,